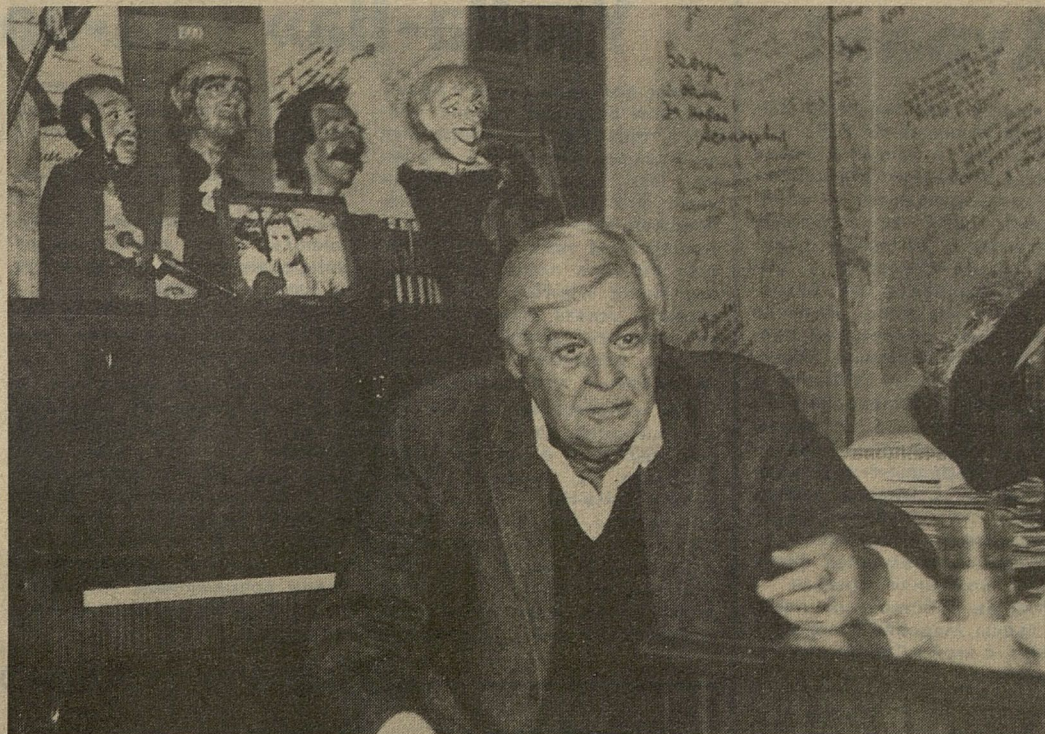

25.3.95

Любимов Юрий Петрович

ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ

Культура. - 1995. - 25 марта. - С. 8.

Медея с двойным гражданством

Юрий Петрович Любимов — в Москве. Он репетирует на старой сцене Театра драмы и комедии на Таганке «Медею» Еврипида. Можно было бы написать — на своей родной сцене, там, где все начиналось и кипело, притягивая сторонников и противников, где родился театр-легенда, а потом... Но то, что было потом, все, увы, знают. Поэтому в нашей короткой (перед репетицией) беседе и журналист, и сам режиссер осторожно избегали позорной темы о разделе. А она, тем не менее, прорвалась.

— Вы будете играть «Медею» на этой сцене?

— А где же еще мы можем ее играть? Ведь театр разорен. Наша труппа вынуждена не играть семь спектаклей, потому что новой сцены у нас больше нет. Только здесь может произойти такое — театр развалили и никто не вступился. А когда-то мы вступались за своих коллег. Опального Анатолия Васильева я взял под свою крышу... Сейчас же никто

никого не защищает. Напротив, еще норовят пнуть вдогонку...

— И все же репетиции «Медеи» идут полным ходом.

— Да. Репетиции идут. Музыку написал Эдисон Денисов, она довольно сложна — некая попытка вернуться к древним истокам, так что жанр определить довольно трудно. Художник спектакля — Давид Боровский. Тексты хоров заново перевел Иосиф Бродский.

— А когда премьера!

— Премьера состоится в Афинах в конце апреля. К сожалению, у нашего театра денег мало, как, впрочем, и у всех остальных. Поэтому, как и предыдущий спектакль «Электра», «Медея» — наш совместный проект с афинским Большим дворцом музыки «Мегеро».

За некоторое количество дней до премьеры весь состав спектакля уедет в Афины, там сыграем его в первый раз. А затем, в мае, премьера состоится в Москве.

— Похоже, театр серьезно взялся за древних греков.

— Почему же? Я работал и с теперешними греками. Ставил в Афинах «Чайку», которая идет до сих пор. Что же касается «Медеи», то есть ли смысл говорить банальное: пьеса звучит вполне актуально. Кровь, грязь, предательство, месть... Только Еврипид в отличие от Эсхила и Софокла

хотя и признает власть рока, но не идеализирует своих героев, а пытается рассмотреть их объективно, во всех аспектах.

Здесь — столкновение варварской психологии с психологией нормального иерархического общества, некоммунистического, понимаете?.. Медея — варварка. Что натворила! И в своей Колхиде, и на чужой территории. Но не хочу прямолинейно судить. Здесь — и месть за клятвопреступничество Ясона, и горечь за попорченную любовь, и одиночество. Сложная коллизия. Она такова, каков наш мир.

...В полутемном зале работник театра выпускает живых белоснежных голубей. Они летят на сцену, оседая на белосерых мешках... Эти мешки — новая находка Давида Боровского, они образуют высокие стены — некое подобие древнегреческой каменной кладки — и беспорядочно лежат на полу (постель? место разврата и предательства?).

На гребне стены — Медея — Л. Селютина (одна из испол-

нительниц), простоволосая, в черном...

Появляется царь Эгей — Ф. Антипов, лелеющий свою муку (боги не посылают ему детей). А в левом углу около сцены — хор женщин (А. Агапова, М. Полицеймако и др.) выпевает дивные стихи И. Бродского заволакивающим древним многоголосием. Хоры аранжировал венгерский музыкант Шандор Коллаш. В них слышится то пронзительная мольба, то одинокий вой волчицы, то порывы стихий. Пушкинское «как мысли черные к тебе придут...» — хор как бы озвучивает мрачные страсти, обуревающие Медею...

Впрочем, трудно судить по крошечному эпизоду. Однако увиденное и услышанное не оставляет сомнения — в эти дни старая сцена Таганки по-настоящему ожила.

Н. КАМИНСКАЯ.

Фото Т. Белозеровой.